

ФИЛОСОФСКИЕ ПОИСКИ М.М. ЩЕРБАТОВА

А.Д. СУХОВ

Автор фундаментальной «Истории Российской от древнейших времен», русский историк, публицист, философ, князь Михаил Михайлович Щербатов (1733 – 1790) по праву занимает достойное место в ряду русских исследователей отечественной истории. Первая «История Российская», соответствующая Новому времени, была создана В.Н. Татищевым. Некоторые историографы даже называли его родоначальником и отцом русской исторической науки. Он – один из участников так называемой ученой дружины, сложившейся при Петре I и продолжившей свое существование при его ближайших преемниках. В предисловии к семитомной «Истории Российской от древнейших времен» М.М. Щербатов отмечает его как своего предшественника. Позже Н.М. Карамзин, работая над «Историей государства Российского», использовал труд Щербатова. В последнее время Карамзинская «История» переиздавалась неоднократно, приобрела большую читательскую аудиторию, вновь стала популярной. Но возможна ли она была без непосредственно предвалявшей ее «Истории» Щербатова?

П.Н. Милюков в своей историографической работе «Главные течения русской исторической мысли», опубликованной в 1897 г., сопоставив тексты этих двух произведений, пришел к следующему заключению: «Видно, что том щербатовской истории всегда лежал на письменном столе историографа и давал ему постоянно готовую нить для рассказа и тему для рассуждения; и часто Карамзину оставалось только переделать ссылку и сделать соответственную выписку из источника. В результате пересказа и переделки тяжеловесные, неуклюжие фразы Щербатова превращаются в блестящие, закругленные и отточенные периоды Карамзина; но очень часто настоящий смысл и задние мысли этих красивых периодов мы поймем только тогда, когда будем иметь перед глазами параллельное изложение Щербатова»¹.

Конечно, труд Карамзина – творческий, фундированный источниками. Здесь лишь хотелось бы обратить внимание на то, что, как и всякий исследователь, Карамзин продолжал то, начало чему было положено до него. Надо сказать также, что если читатель наших дней сумеет приноровиться к стилю Щербатова, устаревшему, не вполне соответствующему современной русской лексике, то убедится, что содержательно «История» его не заменена Карамзинской, что она содержит такие сведения и соображения, которых не найти в последней. От Татищевской же «Истории» Щербатовская отлична тем, что первая из них все же вызывает воспоминания о летописном свде,

а вторая совершенно отдалена от него. Публиковалась «История» Щербатова в 1770 — 1791 гг., т.е. в основной своей части при его жизни. М.М. Щербатов был известен и как автор некоторых других сочинений, посвященных не только истории, но и экономике, политике... Не выпала из поля его зрения и философия. Философские рассуждения, содержащиеся в его работах — наименее изученная часть его наследия. О ней-то пойдет речь в данной статье.

Не все свои творения доводилось Щербатову видеть опубликованными; некоторые из них он, правда, к печати и не предназначал, адресуя их тем, кому предначертаны иные, лучшие для восприятия им сказанного, времена. Для ознакомления с оставленным им наследием потребовались десятилетия. Долгое время пребывал в рукописном виде написанный им, хотя и не полностью заверченный, утопический роман, первый представитель этого жанра в русской литературе — «Путешествие в землю Офирскую г-на С..., шведского дворянина», повествующий об идеальном, с точки зрения Щербатова, государстве, которое он поместил к югу от мыса Доброй Надежды, в район Антарктики. Появилась на свет эта утопия в изданном в 1896 г. 1-м томе двухтомника его сочинений — спустя более сотни лет после того, как она была создана. Офир — некий антипод России; это — Россия, какой желал ее видеть Щербатов. Другое, пользующееся известностью и читательским спросом поныне, его произведение «О повреждении нравов в России» было опубликовано в 1858 г. в Лондоне А.И. Герцеком. В России оно было напечатано лишь в 1870 — 1871 гг. на страницах специального исторического журнала «Русская старина», да и то со значительными пропусками, а в полном виде — в 1898 г. во 2-м томе упомянутого двухтомника сочинений Щербатова. Некоторые другие из оставшихся после него работ печатались в названном двухтомнике, в различных сборниках, в периодической печати. В 1935 г. увидел свет том его «Неизданных сочинений», в котором помещена часть литературного наследия, хранящегося в Государственном историческом музее. Объем написанного, но не опубликованного, говорит сам за себя: Щербатов не принадлежал к числу идеологов режима.

Официальные идейные установки, сложившиеся в то время, когда М.М. Щербатов осуществлял свои творческие замыслы, а это было при правлении Екатерины II, — просвещенный абсолютизм, ведущий свое происхождение от Просвещения, которое возникло ранее него; без Просвещения он не был бы возможен. Имея иную социальную природу, абсолютизм производил выборочные заимствования у Просвещения. Последнее, обращаясь к разуму, предполагало вариант дальнейшего социального развития в форме эволюции. Этот его настрой, исключающий революционные перевороты, способен был расположить к себе, и располагал, тогдашних автократов. Просвещение обращалось к властям, рассчитывая на их поддержку и

содействие. Просвещенный абсолютизм, со своей стороны, заверял о готовности просвещать общество. Модель просвещенного абсолютизма, сконструированная из идейного материала, взятого у Просвещения, уклонялась от конкретики: рассуждения имели общий, отвлеченный характер и не подкреплялись такими делами, которые сколько-нибудь существенно меняли бы существующую систему. Более того, под прикрытием передовых воззрений крепло и набирало силу крепостничество, становившееся подобием рабства; оно шло вширь, распространялось на те территории страны, где его раньше не было. Самодержавие не проявляло никакой склонности к самоограничению. Лидирующей фигурой этого направления являлась императрица, хотя она и претендовала на то, чтобы стоять вне партий и группировок, быть средоточием общих интересов.

Существовало и другое направление, также не выходявшее, даже своими помыслами, за пределы феодальных структур, но полагавшее, что они не должны оставаться неизменными, что стоит установить пределы монархической власти, что некоторые ее функции целесообразно было бы передать учреждениям, способным выражать взгляды и мнения тех слоев общества, которые главенствуют в нем. Представлено это направление было старой аристократией, потесненной новой знатью, но оставшейся все же влиятельной социальной силой. Лидирующей персоной здесь являлся Н.И. Панин, начальник коллегии иностранных дел и воспитатель наследника престола. К этой группе принадлежал и М.М. Щербатов, являвшийся ее идеологом, теоретиком, философом.

Отношения между просвещенным абсолютизмом и русской феодальной аристократией तो обострялись, и временами казалось даже, что последняя в этом противостоянии способна взять верх, то, напротив, утихали и стухевывались — под натиском снизу, особенно в период Крестьянской войны 1773 — 1775 гг. Оппозиция аристократическая имела контакты с другими ее кругами, существовавшими в стране — просветительскими, демократическими. Н.И. Панин сотрудничал с Д.И. Фонвизиным, являвшимся его секретарем, который вместе с ним и по его поручениям разрабатывал реформаторские проекты, призванные умерить крепостное право и постепенно изжить его, создать начатки конституционного правления. А.Р. Воронцов, президент коммерц-коллегии, был близок с А.Н. Радищевым, помогал ему и его семье, когда он подвергся гонениям. Учитывая обозначенные выше обстоятельства, можно прояснить идейный, в том числе философский, поиск Щербатова.

Но, прежде всего, — о философской эрудиции М.М. Щербатова. Обращаясь к философии, он стремился использовать имеющуюся к тому времени совокупность философских знаний. Как и любой мыслитель вообще, он подходил к накопленному идейному материалу

избирательно, трактовал поднятые уже проблемы по-своему, подкрепляя собственные идейные установки. Круг философов, которых он знал и о которых говорил, значителен. Из философов древности, чей «быстрый разум» старался проникнуть в «тайнства природы», хотя их суждения имели еще «первоначальный» вид, им отмечены Фалес Милетский, Гераклит, Анаксимен, Анаксимандр, Эпикур, а Сократ зачислен им в разряд великих людей. Недочеты древних извинительны, полагал Щербатов, и происходят они от «самого существа науки», но тем, что было оставлено ими, «воспользовались новые мудрецы». Тот, кто подготовил «возрождение» наук в Европе, — это, по мнению Щербатова, Роджер Бэкон, выдвинувший проблемы, которые следовало решать.

Исследуя историю философии, особое место в ней Щербатов отводил Р. Декарту, о котором он отзывался как о достойном «всегдашнего почтения». Именно Декарт дерзнул ниспровергнуть «школьную философию», учил «сумневаться», «всему не доверять», «искать доказательств», изучать природу. Этим всем он открыл «путь к истине». «Славным» философом считал Щербатов Д. Юма. «Почтение» проявлял он к Ш.Л. Монтескьё, писателю «знаменитому» и «именитому», ценил его произведение «О духе законов», что не мешало ему оспаривать некоторые из содержащихся в нем положений. Не приемлет Щербатов сочинения Ф.М. Вольтера и других авторов, «разрушающих» религиозную веру. По разным поводам ссылается он в своих работах на таких авторов как Аристотель, Платон, Лукреций, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Ж. Боден, Н. Мальбранш, Дж. Локк, Г.В. Лейбниц, Ч. Беккариа, Ж.-Ж. Руссо, П.А. Гольбах, Ж.Л. Бюффон, Г. Гроций... Существуют для него и русские авторитеты, причастные к философии: В.Н. Татищев, человек «разумный и предприятельный», М.В. Ломоносов, муж, «знатный в науках». Принимая во внимание философское наследие, взгляды современных ему мыслителей и собственные наблюдения над процессом поиска истины, Щербатов формулировал общие принципы познания.

Изучению тех или иных явлений свойственна определенная последовательность. Никто не способен совершить великое открытие «единым своим размышлением». Необходимо знать, что писали по данному вопросу в прошлом и настоящем. Существует преемственность в развитии мысли, которая начинается с малого и добирается «до великого». Познание требует времени и участия некоторого числа людей, будь то открытие принципиально нового или совершенствование уже открытого. Познание беспредельно. «Ибо не будем льстить себя: хотя много веков протекло, хотя много труда, бдения и попечений достойными, прежде нас жившими, мужиями было употреблено, много еще осталось не откровенно, и все почти может в лучшее совершенство быть приведено»². Трудно бывает постичь поведение

даже «единого человека» с его «приватными делами». Но, конечно же, намного сложнее проникнуть в «сложные обстоятельства», если обратиться к изучению общества, «где многие причины, стекаясь вместе, разные виды делам дают и разными образами действовать людей понуждают»³.

Об этом писал Щербатов в работе «О пользе науки». Рассуждения о причинно-следственных связях содержатся и в предисловии к его «Истории Российской от древнейших времен». Делая ссылки на разработки Д. Юма и солидаризируясь с ними, Щербатов изложил здесь свое понимание этих связей, применительно к истории. Историк доискивается «до тайных пружин и до притчин сокровенных и выводит наиотдаленнейшия следствия». Исследуя эту причинно-следственную цепь, он должен «коснуться до каждого звена оныя». Бывает и так, что «догадки наполняют пустоту его сведений». Но историк не может быть удовлетворен этим, ибо «чувствует, что его труд тем совершеннее, чем полнейшую цепь читателю представляет». Постигание причин делает нас властелинами событий и даже «дает нам некоторую власть над будущими временами». Щербатов оставлял за «просвещенной публикой» право судить о том, насколько удалось ему в своей «Истории» осуществить эти помыслы и что он «исполнить не мог»⁴.

Разумеется, было бы странно ожидать от автора, жившего в XVIII в., проникновения в глубинные, базисные основания общества или упрекать его в том, что он не дал всестороннего освещения русской истории. Но тем, что было доступно его времени, М.М. Щербатов, несомненно, воспользовался. Хотелось бы отметить некоторые условия, содействовавшие этому и не для каждого историка, его современника, возможные. Щербатову был предоставлен доступ к архивным делам, в том числе таким, которые содержались под грифом «секретно». Он использовал источник, к настоящему времени утраченный, — тогдашнюю устную традицию, содержащую сведения, скрытые от непосвященных: Щербатов принадлежал к знатному роду, ведшему свое происхождение от Рюрика, княжескому, правившему страной или одной из ее частей, а затем, в течение столетий, входившему в придворные круги и многое хранившему в своей памяти. А собственная служба при императорском дворе и в правительственных учреждениях (президент камер-коллегии, сенатор) открывала ему тайные двигатели правления и дворцовой жизни. В данном случае нет возможности просматривать всю щербатовскую «Историю» в связи с тем, как конкретно трактуются в ней причинно-следственные отношения. Остановимся лишь на некоторых эпизодах, взятых из его «Истории», достаточно характерных и не утративших интереса.

Много внимания уделено здесь трагическому эпизоду русской истории — поражению от татаро-монгольской орды, следствием чего стало длительное порабощение Русской земли. Щербатов сумел раз-

носторонне проанализировать, почему и как это случилось. Вот как трактуется это событие в его «Истории».

На Руси ко времени нашествия прочно утвердилась система уделов. Отдельные княжества, пребывая «во всегдашних междуособиях», даже в этой, трудной для всех, ситуации не смогли достичь хотя бы относительного единства, чтобы противнику достаточное «сопротивление учинить». Нападающая же сторона являла собой целостную силу. Русское воинство, помимо немногочисленных дружин, было наспех набрано из сельских и городских жителей и представляло собой «более толпу народа», оснащенную тем, кто что имел. А у неприятеля было разнообразное вооружение, лучшее по тем временам.

В первой половине XIII в. на Руси было распространено двоеверие, составившееся из привнесенного христианства и не сдавшего вполне своих позиций язычества. Обе составляющие части его, по мнению Щербатова, сослужили в деле защиты отечества плохую службу. Канун нашествия был отмечен землетрясением и затмением солнца, появлением комет. Все это было сочтено за предвестие несчастий и повергло население «в крайнюю робость». Не содействовало обороне и христианское благочестие. Нашествие представлялось «казнию божескою», сопротивляться которой было не только бесполезно, но и богопротивно; нельзя же идти «противу божия гневу». В распространении подобных упадочнических настроений Щербатов винит «духовный чин» и монашество, которые, вмешиваясь в мирские дела и управление, твердость «отовсюду прогнали». Это и стало одной из причин того, что завоеватели смогли покорить Русскую землю «толь легко». В «Истории» Щербатова воссоздано падение Владимира, стольного города Северо-Восточной Руси, в то время имевшего неплохие укрепления (фрагменты их сохранились поныне), сильный гарнизон и многочисленных жителей, могущих оказать сопротивление. Всем необходимым он также снабжен был «довольно». Между тем продержался он совсем недолго. Оборонявшиеся вместо того, чтобы крепить отпор врагу, предавались «безпрестанной молитве» и ожидали «с выше» для себя «чрез естественной помощи». Они не столько «тщились сопротивляться», сколько готовили себя «к мученическим подвигам».

«Неумеренную набожность» проявила знать, в том числе члены княжеской фамилии и епископата, которые толпами устремились в храм, чтобы принять обряд пострижения и предстать в мире ином в иноческом виде. Остальной народ, видя это, также, естественно, приходил во все большие «робость» и «ослабление». Конечно, не вся Русь пала духом в те времена; немало было таких, кто не только не впал «в робость», но проявлял бесстрашие. В их числе назван Щербатовым и великий князь владимирский Юрий (Георгий) Всеволодович, погибший вместе со своей ратью в сражении на реке Сить 4 марта 1238 г.

Щербатов ценил регулирующую функцию религии: ее способность умерять страсти, примирять приверженцев своих с бедами, отваживать их от насилия, внушать склонность к непротивлению. Однако, по его мнению, все это хорошо лишь в том случае, когда имеются в виду низы общества, их отношение к верхам. На взглядах его на сей счет подробнее остановимся ниже. Когда же ставится вопрос, как использовать религию против внешних сил, Щербатов ждет от нее совсем иного – не того, что предложили неопиты русского православия в XIII столетии: религия должна служить не расслабляющим, а стимулирующим средством. Щербатовская «История» воспроизводит эпизод, относящийся к осени 1581 г., когда Псков защищался от войск Стефана Батория. Во время одного из приступов оборона города готова была рухнуть. Две крепостные башни были уже потеряны, в стене образовался пролом, и противник шел вперед, торжествуя победу. Защитники города явно «ослабевали», «бодрость» их «упадала». В этот момент, когда решалось все, «к сим местам» подоспела подмога с князем В.П. Скопиным-Шуйским, мужем «неустрасимыя храбрости» и архиепископом псковским, сопровождаемым мощами святых и иконами, увещевавшим русских воинов биться, не щадя жизни, и обещавшим вечные на том свете «награждения». Ободренные таким образом, обороняющиеся «робость свою оставляют», переходят в решительное наступление и отбивают штурм. В сражениях за Псков в 1581 – 1582 гг. польская армия так и не добилась успеха; Псков она взять не смогла. Щербатов-исследователь распознал, что религия в своих конкретных проявлениях может оказаться разноликой; Щербатов-идеолог прагматичен, он считает: дело верхов – это обстоятельство учитывать и умело применять на практике.

Небезуспешен был Щербатов в познании психологических явлений, сопровождающих события истории, личных драм, влияющих на ее ход, той сферы, которая позже отошла к философской антропологии. Воспользовавшись данным подходом, он сумел распознать, в частности, одну из исторических неясностей. Связана она с Иваном IV.

Как известно, престол он унаследовал в возрасте трех лет. Семи лет он лишился матери, бывшей при нем регентшей, и оказался всецело во власти боярского окружения. В обращении с ним ближние бояре сразу стали проявлять пренебрежение, грубость. Чем была вызвана такая несдержанность в отношении малолетнего монарха? Русская история знает и другие случаи, когда великими князьями становились дети, но боярские верхи, приближенные к ним, вели себя при этом совсем иначе. Дмитрию Донскому великое княжение досталось тогда, когда ему было девять лет. Власть его сразу же стала оспариваться другими князьями, находившими, что у них на нее больше прав. Случалось, что ярлык на великое княжение, который давался Золотой Ордой, попадал в другие руки. Не удержаться бы ему во

власти, не будь на его стороне московских бояр, которые и правила реально до его совершеннолетия. Признательность к этим людям, взрастившим и воспитавшим его, он сохранял до конца жизни. Василий Темный, внук Дмитрия Донского, волею судеб также оказался на троне слишком рано — в возрасте десяти лет, и на его долю выпало немало невзгод: он побывал в плену у казанских татар, вел долгую династическую войну с представителями другой фамильной ветви, также шедшей от Дмитрия Донского, несколько раз отстранялся от правления, изгонялся и ссылался, был ослеплен... И все же именно он, в конечном счете, восторжествовал над своими конкурентами. Одна из причин того — верность ему московских бояр, не желавших менять своего князя на чуждых им пришельцев.

Причиной неприязни, которая сопровождала Ивана IV в годы его детства и позже, согласно Щербатову, был «недостаток», связанный с его рождением. Василий III, не имевший детей, но намеренный оставить после себя прямого наследника, расстался со своей женой, Соломонией, отправил ее, вопреки ее желанию, в суздальский Покровский монастырь и избрал себе другую жену — Елену Глинскую. Новый брак великого князя, при живой жене, хотя и был разрешен послушной ему церковью, находился в противоречии с многовековым обычаем. Вся натура русского православного человека XVI столетия восставала против этого. Дети от подобных союзов не считались «законными». Неприятие сознанием общества второго брака Василия III имело, как считал Щербатов, «много действий» и в отношении его наследника, тяготело над «всею его царствованием». Но и это — не все. Новый брак, как и предыдущий, какое-то время оставался бездетным. Рождение Ивана связывалось с новым фаворитом при великокняжеском дворе — И.Ф. Овчиной-Оболенским-Телепневым. Констатируя этот факт, Щербатов в своей «Истории» заявлял следующее: «Несть прилично истории писателю собирать все слухи охулительные, которые о государях разглашают, но не должен же историк и скрывать, что до сведения его может достигнуть: и тако, не яко истину, но яко слух народный здесь предложу...»⁵ Видимо, подобные слухи имели основания: при дворе всегда хорошо осведомлены о такого рода делах. После смерти Василия III отношения между Еленой, регентшей, и Овчиной были вполне очевидными, и последний стал фактическим правителем государства. Развязка не замедлила наступить: регентша была отравлена, а над всеми людьми, к ней близкими, в том числе и над фаворитом, учинялась расправа, иногда и в присутствии несовершеннолетнего монарха, несмотря на его крики и попытки сопротивления. Лицам, ставшим у государственного руля, трудно было преодолеть неприязненные чувства из-за двусмысленности для них его происхождения, — несмотря на возможность и вероятность грядущих последствий. Конфликт, возникший исключительно на

личной почве, впоследствии, когда политические роли поменялись, накладывался на решения и действия, имевшие уже иной, не личный, характер.

Исследуя процесс русской истории, Щербатов вновь и вновь возвращается к рассмотрению тех взаимоотношений, которые складывались на вершине власти — между монархом и его ближайшим окружением. В «Истории Российской от древнейших времен» он стремился показать, что дела государственного управления шли неплохо, когда в правящей верхушке существовала гармония, и она проявляла единство. Сложился обычай, по мнению Щербатова, «весьма похвальный», «что государи никакого знатного дела не предпринимали без совета своих родственников и бояр»: тут часто верность отечеству и государю превозмогала подобострастие по отношению к самодержавному монарху, и «почтенные советники дерзали противу намерений государя своего спорить». Правда, они не сопротивлялись последнему изволению своего государя, но оно происходило тогда, когда «вся истинна мысль каждого во всей ясности перед очи монаршия явлена была»⁶. Когда же обычай этот нарушался, и монарх устранял от себя независимых советников, становился самовластным и деспотичным, то и для людей, находившихся близ него, характерны были иные нравственные признаки: вместо благородства, гордости, любви к отечеству — низость, раболепство, забота лишь о собственном благополучии, что отражалось и на государственных делах. В конечном счете, «нестесненная власть», которой столь желают самодержцы, их же самих и наказывает: это «есть меч», сокрушающий их славу в истории, даже если не случится «что и более».

На примере Ивана IV Щербатов мог проиллюстрировать и прокомментировать оба только что отмеченных варианта власти. По его словам, этот властитель представляется в «толь разных видах», что кажется, будто он является «не единым человеком».

В «первые времена» своего правления он держался принятого обычая: ничего не начинал, не посоветовавшись с приближенными, среди которых были люди достойные. Мнения свои они высказывали ему «не обинюясь», и «многожды» на их советы он «преклонялся». С этим промежуток времени и связаны в основном успехи, достигнутые при нем. Второй период царствования отмечен разрывом властелина со всеми этими своими советниками. На смену им приходят беспринципные карьеристы и льстецы. Наступает разлад во всем: страна истощена, Ливонская война проиграна, русские города громятся собственным войском, бесчинствует опричнина, наследник престола убит царским посохом, власть дискредитирована бесконечными бракосочетаниями царя... Он сам осознал, что содеянное им может завершиться катастрофой, и обратился к королеве Англии Елизавете с просьбой предоставить ему убежище в случае возможного против

него возмущения. В истории же имя свое он оставил «ненавидимо» и в общем «поруганию».

Русский XVIII век, непосредственным свидетелем которого был князь Щербатов, — время «неограниченной власти». Данный тип правления сопровождается неустройством в делах и падением нравов. Оправдывал Щербатов лишь деяния Петра I, которые, отличаясь произволом, в его представлении, продвинули страну вперед. Были ему по душе и дворянские привилегии, и крепостное право, и доступ к европейскому просвещению — неотъемлемые принадлежности режима. Но все же перемену в стране, учиненную Петром I, Щербатов характеризовал как «нужную, но, может быть, излишнюю»⁷.

Давая общую оценку «самовластью или деспотичеству», Щербатов характеризует его как «злоупотребление монаршической власти». «Деспотичество» в «просвещенном» народе «быть не может». История уготовила ему «жесточайший конец». Долг ныне живущих — «низвергнуть сего кумира». Щербатовым отмечены в русском прошлом попытки найти иные принципы государственного правления. Вниманию его привлек Василий Шуйский. В своей «Истории» Щербатов писал о том, что едва ли на свете сыщется такой же поступок, какой был совершен этим князем при избрании его монархом. Шуйский принес присягу в том, что он будет царствовать, соблюдая определенные правила и положив предел своей власти. И тем самым, по мнению Щербатова, вопреки всем несчастьям и неудачам, сопровождавшим его царствование, имя свое прославил.

Попытку вельмож в 1730 г., при воцарении Анны Иоанновны, дать государству «основательные законы» и власть императорскую «ограничить» Щербатов воспринимал как «великое намерение»; осуществить его не удалось из-за того, что оно было неудачно оформлено и неумело осуществлялось. Щербатов желал, чтобы подобные начинания были продолжены и проводились в жизнь. Он надеялся, что появится такой монарх, который будет настолько преисполнен «великодушия и любви к отечеству, чтобы составить и предать основательные права государству, и довольно тверд, чтобы их исполнять»⁸. Но и ограниченная монархия, противопоставленная самодержавию, предпочтительная по сравнению с ним, не свободна, по его мнению, от изъянов. Даже когда монархический властитель «стеснен» законами, он все же легко может нарушить их, если гарант их соблюдения — он сам, а «отчету» в своих поступках он не отдает «никому». «Напротив того», считает Щербатов, в республиканском правлении правители обязаны отчитываться в своих поступках и действовать «по разуму установленных законов, отчего и происходит, что... не им, но единому закону повинуются»⁹.

Симпатизирует Щербатов не всякой республике. Наиболее приемлема для него одна из них, современная ему, носящая, однако, имя монархии. Она — монархия по форме, но республика — по сути.

Это — Англия. «Там высшую власть, ограниченную законами, имеет король». Но «монаршическая власть» в этой стране — лишь «тень». «Англия, не взирая, что имеет короля, есть правления республики». В таком виде и «шествует» она «к благу общему»¹⁰. В этой неординарной трактовке одной из форм государственного правления Щербатов следовал за Ш.Л. Монтескьё. Французский философ в своей книге «Размышления о причинах величия и падения римлян» относительно политического строя, существующего в Англии, высказался так: «В наше время существует республика, которую почти никто не знает». Подробнее он затронул эту проблему, рассуждая о римских императорах, выдвигавшихся во власть армией: «То, что называли Римской империей в этот век, было чем-то вроде республики... Можно считать общим правилом, что военное правление в некоторых отношениях являлось скорей республикой, чем монархией»¹¹. Явление, о котором писали Монтескьё и Щербатов, в дальнейшем изменялось — в направлении, подмеченном ими. К настоящему времени от монархического элемента в подобном правлении осталось еще меньше, чем это было в XVIII в. В Западной Европе, в том числе в Великобритании, сохраняются только «рудименты монархической власти» и имеет она «чисто символический характер»¹².

В трактовке другой проблемы государственности Щербатов решительно разошелся с Монтескьё. Последний в произведении «О духе законов» (в главе XIX книги VIII) утверждал, что уже сами обширные размеры державы создают предпосылки для деспотизма. Он писал, в частности, что отдаленность мест, куда направляются правительственные предписания, должна уравниваться быстротой их исполнения. Екатерина воспользовалась этим положением Монтескьё в своем «Наказе» Комиссии об Уложении, изменив в нем лишь определение государства — деспотического на самодержавное. Щербатов опровергает довод Монтескьё, заимствованный императрицей. По его мнению, действительность самодержавия не подтверждает того, что оно отличается скоростью принимаемых решений и их воплощением в жизнь. Самодержца многое отвлекает от дел, в том числе страсти, которые ему свойственны, развлечения, которым он предается. Петр II, скажем, иногда по целому месяцу пропадал на охоте. От Елизаветы Петровны, вообще не расположенной заниматься чем-либо, требующим усилий, нельзя было добиться подписи под подготовленными уже документами, — случалось, что и годами... Щербатов уверен, что преимуществ самовластия для обширных государств факты истории не подтверждают, начиная с древних времен. Римская республика, несмотря на свои пространства, не только эффективно управляла отдаленными территориями, она постоянно увеличивала свои размеры. Успешно функционировала и сменившая республику империя, но лишь до тех пор, пока в ней сохранял свою силу сенат.

Рассуждения Щербатова о государственных порядках шли достаточно далеко и вступали в противоречие с его же взглядами о сохранении в стране свойственного ей архаичного социального строя. Щербатов полагал, что крестьян стоит оставить в закрепощенном состоянии. По его суждению, не надо, однако, их владельцам забывать о том, что принадлежащие им крестьяне такие же люди, как они сами: лишь исторические судьбы поставили тех и других в разные положения. Щербатов — за устранение вопиющих крайностей крепостничества, таких как продажа крестьян без земли и поодиночке. Он старается внушить помещикам, что «попечение» их о своих подданных — в их же собственных интересах: они беднеют и сами, когда доводят крестьян «до крайней нищеты». Не следует забывать и о мерах для обуздания злодеев среди помещиков. Упомят он также на «просвещение» и «нравоучение»: они «да укротят нравы» помещиков.

Не разминулся Щербатов и с философией религии. Эта отрасль философии, зримо распадающаяся на две противостоящие одна другой части, принималась и разделялась им в той мере, в какой она связана с теологией. Религия в его сочинениях находит для себя идейную поддержку. Основные категории религии — верховное существо и бессмертная душа — не вызывают у него сомнений; они принимаются и защищаются им.

В XVII — XVIII столетиях в работах, направленных против религии, разоблачались ее связи с государством, ее услуги верхам. Щербатов также признает служебную роль религии, но трактует данную ее функцию в самом положительном смысле. Он пишет о том, что когда народ набожен, а религия соединена с властью, исчезают «все опасности» и водворяется порядок. Но религия нужна, прежде всего, для народа. Что касается высшего слоя общества, то «чрезмерная набожность», как показано им на примере татаро-монгольского нашествия, не получившего должного отпора, даже вредна. Щербатов против того, чтобы церковь вмешивалась в дела правления, теснила государство. И уж, конечно, безоговорочно осуждает он попытки церкви «власть гражданскую захватить». Не соглашается Щербатов и с тем, чтобы религия, как это было прежде, безраздельно господствовала в сфере сознания. У нее — свои задачи, у знания — свои. Вслед за Монтескьё, соглашаясь с ним и используя его доводы, Щербатов выступал против того, чтобы несогласие на религиозной почве возводилось в степень общественного и государственного преступления, чтобы те или иные люди брали на себя задачу божества — «мстить» за него. Это лишь «распространит инквизицию» и будет способствовать тому, чтобы мысль «невольну сделать».

Таким образом, можно сказать, что Щербатов, хотя и не был философом по преимуществу, как исследователь обращался, и достаточно основательно и результативно, к проблематике целого ряда философ-

ских дисциплин: теории познания, философии истории и социальной философии, философской антропологии, философии религии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. – М., 2002. С. 148.
- ² Щербатов М.М. Избр. труды. – М., 2010. С. 141.
- ³ Там же. С. 141 – 142.
- ⁴ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. В VII т. Т. I. – СПб., 1901. С. 26 – 27.
- ⁵ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. V. Ч. I. – СПб., 1903. С. 4.
- ⁶ Там же. С. 358.
- ⁷ Щербатов М.М. Избр. труды. С. 424.
- ⁸ Там же. С. 477.
- ⁹ Там же. С. 57.
- ¹⁰ Там же. С. 392.
- ¹¹ Монтескьё Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. – М., 2002. С. 308, 347.
- ¹² Гобозов И.А. Философские проблемы политики. – М., 2014. С. 171.

REFERENCES

- Gobozov I.A. *Philosophical problems of policy*. Moscow, 2014 (in Russian). 320 p.
- Milyukov P.N. *Essays on the History of Historical Science*. Moscow, 2002 (in Russian).
- Montesquieu Ch.L. *Persian Letters. Reflections on the causes of the greatness and the fall of the Romans*. Moscow, 2002 (trans. in Russian).
- Shcherbatov M.M. Works. 2 volumes. Saint Petersburg, 1896-1898 (in Russian).
- Shcherbatov M.M. Russian History from the most Ancient. 7 volumes. Vol. 7. Saint Petersburg, 1901-1904 (in Russian).
- Shcherbatov M.M. Selected Works. Moscow, 2010 (in Russian).

Аннотация

В статье представлена наименее изученная часть наследия князя М.М. Щербатова, автора семитомной «Истории Российской» и других работ по истории, экономике, политике – его философские размышления. Показано, что М.М. Щербатов как исследователь основательно и результативно обращался к проблематике философских дисциплин: теории познания, философии истории и социальной философии, философской антропологии, философии религии.

Ключевые слова: Щербатов, история, просвещенный абсолютизм, аристократическая оппозиция, теория познания, философия истории, социальная философия, философская антропология, философия религии.

Summary

The article presents the least studied part of the heritage of Prince M.M. Shcherbatov, the author of seven-volume “Russian History” and other works on history, economy, policy, that is, his philosophical reflections. The author shows that M.M. Shcherbatov as a researcher thoroughly and effectively appealed to the issues of philosophical disciplines, such as epistemology, philosophy of history and social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of religion.

Keywords: Shcherbatov, history, enlightened absolutism, aristocratic opposition, epistemology, philosophy of history, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of religion.